

КЛИМАТОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ОБЪЯСНЕНИЮ «РОССИЙСКОЙ ДРАМЫ», ИЛИ «ПРИВЕДИТЕ В ПОРЯДОК КЛИМАТ!»

(ПРЕДИСЛОВИЕ К ДИСКУССИИ)

ЛАТОВ ЮРИЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ,

*доктор социологических наук, кандидат экономических наук,
ведущий научный сотрудник,
Научный центр Академии управления МВД России,
e-mail: latov@mail.ru*

Поскольку Россия является одной из стран догоняющего развития, постольку экономическую советологию/русологию правомерно рассматривать как особую разновидность Economics of Development — экономической теории (экономики) развития. Пока СССР/Россия презентовал себя как социалистическое общество — общество более высокой формации, в сравнении с капиталистическими странам, — идеологические различия скрывали принадлежность нашей страны к субпериферии современной мир-системы. Завершение «социалистического эксперимента» заставило россиян умерить мессианские претензии и осознать реальное место (увы, довольно скромное) нашей страны в современной мировой «табели о рангах».

Этому способствовала «российская драма»: по аналогии с «азиатской драмой» Г. Мюрдаля, можно сказать, что с начала 2000-х гг. (если не раньше) слаборазвитость России стала восприниматься не как быстро преодолемое зло, а как трагическая драма, центральными фигурами которой оказались российская нация и отечественная либеральная интеллигенция. После завершения основных социально-экономических реформ (приватизации, гашения высокой инфляции, возобновления экономического роста, ликвидации опасного внешнего долга, ликвидации сепаратистских угроз и достижения политической стабильности) обнаружилось, что экономика России не может обеспечить стабильно высоких темпов и, самое главное, современного качества экономического роста. Российская и зарубежная научная интеллигенция постепенно осознала глубину разрыва между западными обществами и Россией, однако выработать эффективную стратегию и тактику решения сложных практических проблем так пока и не удалось. Хотя подходов к их выработке предложено немало.

Если вспомнить типологию теорий экономики развития, предложенную Р.М. Нуреевым (*Нуреев 2008*), то каждому из направлений западной деvelopeмтологии 1950–2000-х можно найти более или менее приблизительные аналогии в транзитологии 1990–2000-х.

Кейнсианский подход, как известно, обращает приоритетное внимание на инициирование экономического роста путем обеспечения национальной экономики инвестиционными ресурсами. Этот подход имел большую популярность в 1990-е гг., когда главной проблемой считалась именно нехватка финансовых ресурсов (растущий внешний долг, утечка национальных капиталов, слабый приток иностранных инвестиций). В начале 2000-х гг. благодаря щедрому потоку «нефтерублей» финансовый вопрос

потерял остроту, однако полноценный «взлет» все же не состоялся. Самое главное, экономический рост России обернулся усилением сырьедобывающей специализации. В Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ до 2020 г. снова возникла идея своеобразного «большого толчка» за счет нарастающего притока иностранного капитала; поскольку через несколько месяцев после принятия этой Концепции «неожиданно» начался мировой экономический кризис, ее практическое значение оказалось не слишком большим.

Уже в конце 1990-х гг. в транзитологическом дискурсе начали активно звучать новые идеи, близкие к неоклассической парадигме экономики развития. Как известно, эта парадигма акцентирует внимание на гетерогенности (внутренней разнородности) экономики стран догоняющего развития и предлагает «переливать» ресурсы из архаичного сектора национальной экономики в современный сектор. Своеобразной разновидностью этого подхода стала обнародованная в 1998 г. концепция «виртуальной экономики» американских экономистов-русистов Клиффорда Гэдди и Барри Икеса. Они полагали, что экономика России расколота на эффективный сырьедобывающий сектор (прежде всего, добыча нефти и газа) и неэффективный сырьеперерабатывающий сектор (*Гедди и Икес 2001; Gaddy and Ikes 2002*). Бремя убыточных отраслей, которые не увеличивают, а уменьшают добавленную стоимость, — вот, по их мнению, причина неудач российских реформ.

Концепция «виртуальной экономики» вызвала оживленную дискуссию как за рубежом, так и среди российских обществоведов. Эта концепция требовала объяснить, зачем же постсоветское государство содержит заведомо убыточные отрасли. Поэтому в 2000-е гг. наблюдался постепенный переход к доминированию институциональных подходов — поиску тех «плохих правил игры» (формальных и неформальных), из-за которых не удастся создать эффективную модель российской экономики. Проявлением этой «институциональной революции» является, например, большая популярность в России идей Э. де Сото, по мнению которого главной причиной неудач стран догоняющего развития является слабая защита прав собственности.

Из четырех парадигм объяснения недоразвитости в постсоветской России слабее всего представлена леворадикальная парадигма, согласно которой наиболее важную роль в сохранении недоразвитости играют действия развитых стран. Как полагали Р. Пребиш, А. Эммануэль, И. Валлерстайн, С. Амин и другие левые интеллектуалы, развитые страны сознательно поддерживают такие «правила игры» в мировом хозяйстве, чтобы сохранять свои преимущества и тормозить появление новых сильных стран-конкурентов, а потому развивающимся странам надо «отгораживаться» от развитых. Точнее говоря, в российском дискурсе о причинах нашей отсталости этот подход представлен одновременно и очень слабо, и очень сильно. С одной стороны, нет числа разного рода «патриотическим» писаниям о том, что Запад патологически ненавидит Россию и постоянно строит ему зловещие козни во всех сферах, включая и экономику. С другой стороны, «спокойных» научных исследований, выполненных на основе леворадикальных подходов, довольно мало — кроме работ Бориса Кагарлицкого (*например, Кагарлицкий 2009*) трудно вспомнить что-то еще достаточно выразительное.

Своеобразной заменой «нормальным» леворадикальным теориям в России стали теории географического детерминизма. Самая знаменитая из них — это, безусловно, концепция Андрея Паршева, прославившегося книгой «Почему Россия не Америка» (*Паршев 2006*). Если все прочие научные изыскания о причинах российской недоразвитости проходили исключительно в кругу профессиональных обществоведов,

то эта рассчитанная на «широкую публику» работа А. Паршева, изданная впервые в 1999 г., стала заметным событием общественной жизни. Сходство концепции А. Паршева с леворадикальными теориями ярко видно в том, что он тоже считал принципиальной ошибкой курс на интеграцию России в мировое хозяйство и призывал к экономической автаркии. Критики А. Паршева доказывали, что издержки, обусловленные природными условиями, не играют существенной роли в современной экономике. Несмотря на многочисленные критические замечания в адрес «паршевой» концепции, в общественное сознание отечественных интеллектуалов прочно вошел тезис, что уникально холодный климат России препятствует созданию «нормальной» рыночной экономики. Влияние этих умонастроений на экономическую политику можно увидеть, например, в том усиленном внимании, которое в 2000-е гг. уделялось разработке различных аспектов национальной экономической безопасности, трактуемой главным образом как защищенность от внешних угроз.

В данном выпуске нашего журнала читателям предлагается серия статей, посвященных обсуждению книги американских экономистов-русистов Фионы Хилл и Клиффорда Гэдди «Сибирское бремя» (Хилл и Гэдди 2007). Чтобы правильно понимать место этой книги в длительной дискуссии транзитологов о путях развития российской экономики, надо помнить, что на языке оригинала она вышла в 2003 г. Многие ссылки в тексте этой книги на концепцию А.П. Паршева позволяют предположить, что Ф. Хилл и К. Гэдди писали ее как своего рода «неоклассический ответ» на «вызов русских патриотов».

Утверждения о пагубном влиянии «злых морозов» на развитие экономики России звучали уже в «Виртуальной экономики России». К. Гэдди и Б. Икес утверждали в той книге, что политика советской бюрократии, направленная на переселение людей на север и восток, а также планы промышленного развития этих регионов привели к тому, что Россия стала более «холодной», чем она была до революции, поэтому повышение жизнеспособности российской экономики «требует передвижения хозяйственной деятельности на запад и юг» (Gaddy and Ickes 2002, 234). В «Сибирском бремени» эти идеи получили более комплексное развитие. Если А.П. Паршев предлагал усиливать самодостаточность российской экономики, то Ф. Хилл и К. Гэдди, разделяя тезис об уникально «плохом» климате России, предлагают «привести его в порядок». Речь идет о том, чтобы снизить пагубное влияние холодного климата путем снижения экономической деятельности россиян в наиболее холодных регионах — прежде всего, в Сибири и на северных территориях.

Среди российских обществоведов книга Ф. Хилл и К. Гэдди вызвала очень противоречивую реакцию, во многом похожую на полемику вокруг «паршевой» концепции. Автор предисловия к «Сибирскому бремени» политолог А. Богатуров в восторге заявил, что, «написав свою книгу о России и ее сибирских регионах, Ф. Хилл и К. Гэдди, сами вряд ли то сознавая, оказались основоположниками новой субдисциплины — политической климатологии как науки об основах рациональной политики развития регионов всего мирового пояса особо сложных климатических условий...» (Хилл и Гэдди 2007, 6). Егор Гайдар в своем «Долгом времени» тоже ссылаясь на «Сибирское бремя» как на важный аргумент либеральной критики советской экономической системы (Гайдар 2005). Однако чаще отзывы имели критическую тональность — многих российских читателей шокировали как логические натяжки, так и многочисленные фактические неточности американских экономистов-русологов. Высказывалось даже мнение, что книгу Ф. Хилл и К. Гэдди следует оценивать не как научный труд, а совсем по «другому ведомству» — «как «пробный камень» в провокации, направленной на очередной раскол России, и проверку реакции научной

и политической общественности на реализацию губительных для России замыслов» (Соболева 2004).

На страницах нашего журнала в статьях трех авторов представлены три качественно разных подхода к оценке «Сибирского бремени». Если Т.Н. Михайлова, на чьи исследования отчасти опирались Ф. Хилл и К. Гэдди, дает их книге положительную оценку, то Ю.А. Зуляр резко критикует «русологов, пришедших с холода» (*само заглавие его статьи иронически обыгрывает название известного шпионского романа Джона Ле Карре*), а Л.А. Безруков стремится найти «золотую середину» между критикой и комплиментом. Читатель может сам решить, какой подход в этом «меню» ему больше нравится. Организаторы этой заочной дискуссии рекомендуют лишь обратить внимание на то, что фактически спор идет не столько по поводу влияния климата на экономику, сколько по поводу роли социально-экономических институтов («правил игры»), которые во многом определяют формы и характер этого влияния.

ЛИТЕРАТУРА

Гайдар Е. (2005). Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории. М.: Дело.

Гэдди К. и Икес Б. (2001). Виртуальная экономика и экономическое возрождение России // *Экономические стратегии*. № 5–6. 46–53. (http://www.inesnet.ru/magazine/mag_archive/free/2001_05_06/ikes.htm).

Кагарлицкий Б. (2009). Периферийная империя: циклы русской истории. М.: Эксмо.

Нуреев Р.М. (2008). Экономика развития: модели становления рыночной экономики. 2-е изд. М.: НОРМА.

Паршев А.П. (2006). Почему Россия не Америка. Книга для тех, кто остается здесь. М.: АСТ, Астрель.

Соболева С.В. (2004). Чтобы Сибирь не обезлюдела // *Восток*. № 9. (http://www.situation.ru/app/j_art_564.htm).

Хилл Ф. и Гэдди К. (2007). Сибирское бремя. Просчеты советского планирования и будущее России. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям. (<http://www.obraforum.ru/Siberia.htm>).

Gaddy, C. and Ickes, B. (2002). *Russia's Virtual Economy*. Brookings Institution Press, 2002.

Hill, F. and Gaddy, C. (2003). *The Siberian Curse: How Communist Planners Left Russia Out in the Cold*. Washington, D.C.: Brookings Institution Press.